УДК 94(470) DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-4-37-44

КТО КОГО «ПРЕДАЛ» В ФЕВРАЛЕ 1917 года?

Данилов Андрей Геннадьевич доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: agd7@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется проблема: что делать военно-политической элите в ситуации, когда глава государства своей деятельностью или бездействием ведет страну и монархию к кризису и краху? Можно ли в таком случае военных и политиков, которые между Россией и императором выбрали Россию, считать предателями?

Ключевые слова: *Февральская революция 1917 г. в России, император Николай II, элита, крах монархии, Первая мировая война, Совет министров, Ставка Верховного главнокомандующего.*

На рубеже XX – XXI вв. на ТВ, в интернете, в средствах массовой информации в России широко тиражируется точка зрения, согласно которой причиной краха монархии в России в феврале 1917 г. стало предательство генералов – руководства Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве и командующих фронтами и флотами. При этом часто любят бездумно цитировать строки из дневника Николая II за 2 марта 1917 г., написанные им уже после отречения: «…В час ночи (3 марта – *А.Д.*) уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»[1, с. 254].

Цель статьи – проанализировать, что могло быть причиной, по которой военные и политики не поддержали царя в решающую минуту.

За полтора года до отречения императора от власти известный деятель кадетской партии, депутат IV Государственной думы В.А. Маклаков задал обществу вопрос о том, что делать в ситуации, когда царь ведет Россию к катастрофе? 27 сентября 1915 г. в газете «Русские ведомости» была опубликована его статья «Трагическое положение». Автор предлагал читателям представить, что они едут в автомобиле со своей матерью по горной дороге; за рулем безумный шофер, который ни за что не хочет его отдать более умелым водителям. Вырвать руль у шофера – опасно; но что будет, если автомобиль все же сорвется в пропасть? [2]. Думающая аудитория легко поняла иносказания В.А. Маклакова: под «безумным шофером» автор понимал императора Николая II, а под матерью – Россию.

Но почти за месяц до этой публикации подобные вопросы горячо обсуждались на заседании Совета министров России.

В конце июля – начале августа 1915 г., через год после начала Первой мировой войны император Николай II принял решение сместить великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и самому встать во главе армии. В августе 1915 г. общее мнение почти всех министров, как и многих профессиональных военных, политиков, депутатов государственной думы, родственников царя – данное решение императора приведет монархию и Россию к катастрофе. Например, императрица – мать Мария Федоровна записала в своем дневнике 8 августа 1915: «Аликс (императрица Александра Федоровна – *А.Д.*) желала, чтобы Ники (император Николай II – *А.Д.*) принял участие в командовании вместо Николая (великого князя Николая Николаевича. – *А.Д.*). Она психически ненормальная, если она действительно думает об этом!» [3, с. 163].

Вот как характеризовали решение государя на заседаниях правительства 6 августа 1915 г. и в последующие дни. Военный министр А.А. Поливанов: «Как ни ужасно то,

что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России… Его Величество принял решение … лично вступить в верховное командование армией» [4, с. 52 – 53]. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов считает решение государя «пагубным», царь своим решением «толкает Россию в бездну» [4, с. 54]. Главноуправляющий землеустройством и земледелием, фактически «теневой» премьер-министр летом 1915 г. А.В. Кривошеин*:* «ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России». Император «делает все, чтобы еще усложнить и запутать и без того безысходное положение» России [4, с. 54 – 55]. Обер-прокурора Святейшего синода А.Д. Самарин: «перемена командования грозит величайшими непоправимыми последствиями для всей страны» … это – «акт, губящий Россию и Монархию» [4, с. 50, 79].

В этой связи на заседаниях правительства в августовские дни обсуждался вопрос: что делать министрам, если они не согласны с решением царя? Министр – это исполнитель любых решений императора, даже если эти решения ошибочные? Или министр – это профессионал с активной гражданской позицией, чей долг не допустить реализации на практике ошибочного решения главы государства, которое может стать гибельным для миллионов людей?

Председатель правительства И.Л. Горемыкин: «Я так же, как и Военный Министр, прилагал все усилия, чтобы удержать Его Величество от окончательного решения и просил его отложить до более благоприятной обстановки». «Я человек старой школы, для меня Высочайшее повеление закон. … раз дело сделано, его не воротишь. … Остается склониться перед волею нашего Царя и помочь ему» … «сейчас не время протестовать, а надо помочь Царю в критическую минуту» [4, с. 54, 59].

У большинства министров иная точка зрения: окончательных решений не бывает, наш долг, использовать все доступные методы, чтобы изменить мнение императора и избежать принятия ошибочного решения главы государства, которое (решение) приведет краху не только монархии, но и страны. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов: «…бывают обстоятельства, когда обязанность верноподданного настаивать перед Царем во имя общегосударственных интересов» [4, с. 54]. Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов: «осуществление решения Государя, безусловно, недопустимо и что надо всеми средствами ему противиться» [4, с. 53]. А.В. Кривошеин: «согласен с теми, которые говорят о немедленной необходимости отговорить Государя. … Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словом – использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Его Величество от бесповоротного шага» [4, с. 54 – 55]. Министр торговли князь Н.В. Шаховской: «Совету Министров следовало бы просить о Высочайшей аудиенции и умолять Государя Императора о пересмотре принятого им решения. Это и наша обязанность, и, скажу прямо, наше право» [4, с. 55]. По мнению обер-прокурора Святейшего синода А.Д. Самарина, «правительство в полном составе должно протестовать перед Государем Императором против этого ужасного шага» [4, с. 60].

Среди ряда других аргументов фактически «теневой» руководитель правительства А.В. Кривошеин на заседании Совета министров 16 августа 1915 г. рассказал об аналогичном прецеденте, который имел место в 1812 г. «У нас есть пример в истории, как поступали приближенные к престолу люди в прежние времена, весьма похожие на наши. Когда наше отступление перед Наполеоном приняло чересчур поспешный и безнадежный характер, то Аракчеев, Шишков и Левашев потребовали отъезда Александра I из армии …» [4, с. 71]. Известно, что в 1812 г. император внял советам своих приближенных и покинул действующую армию.

На заседании правительства 19 августа вновь энергичное выступление «теневого» премьер-министра А.В. Кривошеина: «Надо откровенно сказать Государю, который **не сознает окружающей обстановки и не дает себе отчета, в каком положении находится его правительство и, следовательно, все дело государственного управления**. Мы должны открыть Монарху глаза на чрезвычайную остроту настоящей мину-

ты, от того или иного разрешения которой зависит многое в судьбах нашей родины. Это наш священный долг в историческое время, нами переживаемое» … «Мы должны быть перед Государем Императором тверды и настойчивы. Если понадобится, то мы должны не только просить, но и требовать. Пусть нам Царь головы рубит, сошлет в места отдаленные с лишением званий, чинов и орденов (к сожалению, он этого не сделает), но в случае отказа на наши представления мы должны во имя интересов родины заявить ему, что мы не в состоянии больше служить ему по совести» [4, с. 84, 85].

Почти две недели (7 – 19 августа) министры безуспешно пытались отговорить царя во время своих личных докладов ему [4, с. 53–98]. Николай II был непреклонным.

Редкий случай в практике взаимоотношений государя и управленческой элиты – министрам удалось убедить царя провести заседание правительства под его руководством, чтобы выслушать всех одновременно. Такое заседание под председательством Николая II состоялось 20 августа 1915 г. в Царском селе. Если верить воспоминаниям А.А. Вырубовой, которая как близкая подруга царской семьи провела этот день во дворце, у министров не было никаких шансов быть услышанными. В ее мемуарах читаем: накануне заседания правительства «за обедом Государь волновался, говоря, что, **какие бы доводы ему ни представляли, он останется непреклонным**». Вернувшись после длительного (более 2 часов – *А.Д.*) общения с правительством, Николай II рассказал домашним и А.А. Вырубовой некоторые детали: «Я был непреклонен … Выслушав все длинные, **скучные** речи министров, я сказал приблизительно так: «Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня!» Некоторые министры выглядели как в воду опущенные!» [5, с. 101]. Действия министров Николай II охарактеризовал как «забастовка» [4, с. 92].

Заседание Совета министров 20 августа 1915 г. ясно показало расхождения (конфликт) по вопросам внутренней политики между большинством министров и императором. Это следует из слов, сказанных премьером И.Л. Горемыкиным Управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому на следующий день, 21 августа: «Вчера ясно обнаружилось, что Государь Император остается правым, а в Совете Министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению» [4, с. 89].

Казалось бы, министры и император откровенно поговорили и выяснили позиции друг друга. Однако на следующий день в заседании правительства 21 августа 1915 г. полемика, что делать министрам, если царь ошибается, разгорелась с новой силой. Позиция И.Л. Горемыкина осталась прежней: «В моей совести Государь Император – Помазанник Божий, преемственный носитель верховной власти. Он олицетворяет собою Россию. … Когда воля такого человека проявилась, и путь действий бесповоротно принят, верноподданные должны подчиняться, **какие бы ни были последствия**. А там дальше воля Божья. Так я думаю и в таком сознании умру» [4, с. 94].

Однако морской министр И.К. Григорович высказал иное мнение: «Раз наши вчерашние уговоры и убеждения не подействовали на Государя, то наша обязанность сделать еще одну последнюю попытку – представить Его Императорскому Величеству письменный доклад с изложением нашего мнения о перемене командования, об опасности для династии и т. д.» [4, с. 91]. Его поддержали почти все министры. Министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев привел важный аргумент: своим письменным заявлением «мы должны снять с себя упрек в том, что мы молчали в минуту величайшей опасности для России» [4, с. 92]. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов: мы должны «твердо и определенно заявить Его Императорскому Величеству: Вы себя и Россию ведете на гибель; нам наша совесть, наш патриотический долг не позволяют Вам помочь…» [4, с. 94]. Обер-прокурор Священного синода А.Д. Самарин: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать» [4, с. 95]. Государственный контролер П.А. Харитонов: «Для большинства Членов Совета Министров вопрос стоит ясно: если воля Царя не отражается вредом для России, то ей надо подчиняться; но если эта воля грозит России тяжкими потрясениями и бедствиями, то надо отказаться от ее исполне-

ния и уйти. Мы служим не только Царю, но и России»… «подчинение (царю – *А.Д.*) должно быть не с закрытыми глазами, нельзя принимать участие в том, где мы видим начало гибели нашей родины» [4, с. 96].

На все эти и подобные высказывания большинства министров председатель И.Л. Горемыкин неоднократно отвечал в следующем ключе: «воля Царя есть воля России, что Царь и Россия неразделимы, что этой воле мы обязаны подчиняться и что русскому человеку нельзя бросать своего Царя на перепутьи, как бы лично ни было трудно» … «воля Царя должна исполняться, как заветы Евангелия» [4, с. 96].

В тот же день, 21 августа после заседания правительства 10 министров из 14 членов правительства (фактически из 12, поскольку министр императорского двора и уделов граф В.Б. Фредерикс, который также возражал против решения императора [6, с. 209–210], практически не принимал участия в работе правительства, а министр путей сообщения С.В. Рухлов в августе 1915 г. болел) подготовили письмо на имя императора, в котором, в частности, еще раз высказали свой тезис о том, что решение императора «грозит России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями». Кроме негативной оценки сложившейся ситуации в письме указывалось на «коренное разномыслие» по всем вопросам между председателем Совета министров и авторами письма. Вывод «в таких условиях мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и родине» [7, с. 236].

Таким образом, еще летом 1915 г. пути части военно-управленческой элиты и императора разошлись. Способные думать, оценивать ситуацию и тенденции развития общества не могли не видеть, что действия императора могут привести Россию к катастрофе. К сожалению, все негативные последствия (они нами подробно проанализированы [8]), о которых предупреждали противники смены Верховного главнокомандующего летом 1915 г., наступили в 1916 – начале 1917 г. и привели монархию к краху в феврале 1917 г.

Уважаемый читатель! Как назвать тех министров, генералов и политиков, которые в августе 1915 г. отказались поддержать Николая II в его решении самому лично встать во главе армии? Предатели? Патриоты?

Через год, во второй половине 1916 – начале 1917 г. ситуация в стране и, прежде всего, в Петрограде значительно ухудшилась. Петроградское охранное отделение информировало власть о реальном положении дел, не приукрашивая: резкий рост цен практически на все предметы, рост безработицы, закрытие тысяч мелких и средних предприятий, обнищание всех слоев общества, кризис практически во всех сферах, неспособность центральной и местной власти решать нарастающие проблемы, активизация деятельности всех политических партий и движений, рост недовольства существующим строем, нарастание антивоенных настроений, и как следствие – кризис монархической формы правления, который грозит перерасти в крах самодержавия [9; 10; 11] Как показали события Февральской революции, прогнозы охранки о времени, поводе и форме народных выступлений в столице оказались точными.

В данный период почти вся военно-политическая и управленческая элита (часть военных, некоторые министры, великие князья), не говоря уже о депутатах Государственной думы, журналистах, тем более революционерах отчетливо понимали, что именно Николай II своей политикой ведет монархию и страну к краху. Приведем примеры таких взглядов.

В июле 1916 г. генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем великий князь Сергей Михайлович во время разговора в Ставке в Могилеве сказал своему брату, шефу русской авиации великому князю Александру Михайловичу об отсутствии у него какой-либо надежды на лучшее будущее для страны, так как в результате бездействия Николая II «приближается катастрофа» [12, с. 261].

30 октября 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев сказал протопресвитеру русской армии и флота Г.И. Шавельскому: «Знаете, отец Георгий, я хочу уйти со службы! Нет смысла служить, ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну что можно сделать с этим ребёнком! (Николаем II – *А.Д.*) Пляшет над пропастью и спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около неё клу-

бок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим…» [13, с. 201]. Царь не согласился с оценкой ситуации, данной М.В. Алексеевым.

1 ноября 1916 г. о грозящей России катастрофе императору в Могилеве говорил великий князь, известный историк Николай Михайлович. Не ограничившись устной беседой, Николай Михайлович вручил государю письмо, в котором, в частности, читаем: «так дальше управлять Россией немыслимо». «Ты находишься накануне эры новых волнений». Если не изменить политику, «твой престол и нашу дорогую Родину» ждут «самые тяжкие и непоправимые последствия» [14, с. 145 – 147].

3 ноября 1916 г. о кризисе в стране с царем беседовал член Государственной думы В.М. Пуришкевич, 4 ноября – генерал-лейтенант А.А. Маниковский в присутствии великого князя Сергея Михайловича.

С 1 по 5 ноября 1916 г. Г.И. Шавельский, покинув Ставку, посетил Петроград для участия в заседаниях Священного Синода. У всех, с кем он общался в эти дни, а среди них были и «несколько больших государственных и общественных деятелей», «настроение было подавленное. Чувствовалась надвигающаяся страшная гроза. Близко знакомые с внутренним положением страны начинали терять всякую надежду на спасение». «Вы не можете представить, какой хаос в правительстве, – говорил мне начальник штаба Корпуса жандармов генерал В.П. Никольский. – Кажется, все делается, чтобы государственная машина остановилась … Может быть, уже никакие меры не помогут спасти нас от катастрофы» [13, с. 205]. 5 ноября 1916 г. заместитель министра внутренних дел князь В.М. Волконский просил Г.И. Шавельского передать царю: «Положение катастрофическое…, а в правительстве – безумие. Как будто нарочно делается всё, чтобы ускорить развязку» [13, с. 207].

6 ноября 1916 г. протопресвитер армии и флота (он руководил всеми военными священниками) отец Георгий Шавельский в беседе с царем сообщил ему о настроениях в обществе. Протопресвитер даже осмелился сказать, что, по его мнению, Николай II «не оценивает должным образом страшной обстановки, складывающейся около него, которая может погубить и его, и Родину». «Пора, ваше величество, теперь страшная. Если разразится революционная буря, она может всё смести: и династию и, может быть, даже Россию. На вас и на вашу семью, прежде всего, обрушится народный гнев. Страшно сказать: вас с семьей могут разорвать на клочки...». Среди других царю был высказан важный и оказавшийся в будущем пророческим следующий тезис. «Гроза надвигается! Если начнутся народные волнения, … на армию не надейтесь! Я знаю ее настроение, – она может не поддержать вас. Я не хотел этого говорить, но теперь скажу: в гвардии идут серьезные разговоры о государственном перевороте, даже о смене династии» [13, с. 218–222].

8 ноября 1916 г. бывший (с августа 1914 г. по август 1915 г.) Верховный главнокомандующий русской армией, дядя царя, великий князь Николай Николаевич в продолжительном разговоре с императором с глазу на глаз среди прочего сказал: «Неужели ты не видишь, что ты теряешь корону? Опомнись пока не поздно». По итогам разговора с императором Николай Николаевич сделал важный вывод: «я понял, что все кончено, и потерял надежду на его спасение. Ясно было, что мы катимся быстро по наклонной плоскости и рано или поздно он корону потеряет» [15, запись **за** 9 марта 1917 г.].

9 ноября 1916 г. подобные вопросы во время аудиенции поднял член Государственного совета и глава Красного Креста в России П.М. Кауфман, 12 ноября – министр просвещения граф П.Н. Игнатьев.

Аналогичные оценки ситуации в стране в своих письмах императору дали великий князь Георгий Михайлович (письмо от 11 ноября 1916 г. с фронта из г. Бердичева) и великий князь Михаил Михайлович (письмо от 15 ноября 1916 г. из Лондона).

О том, что династия и страна идет к гибели, «о мрачном, готовом к восстанию настроении в Москве и необходимости срочных перемен» 30 ноября 1916 г. императрице Александре Федоровне говорила ее старшая сестра Елизавета Федоровна, специально приезжавшая ради предупреждения императора из Москвы.

3 декабря 1916 г великий князь Павел Александрович от имени семейного совета великих князей предложил Николаю II даровать конституцию или ответственное мини-

стерство и высказал обвинения в том, что назначения министров делаются под влиянием Г.Е. Распутина.

В наступившем 1917 г. продолжились попытки элиты изменить взгляды царя на окружающую действительность и как следствие – надежды изменить политику власти.

7 января 1917 г. о кризисе в различных сферах и приближающемся социальном взрыве императору говорил Председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко.

Известно, что с 1898 по 1917 гг. у Николая II был независимый источник информации о реальном положении дел в стране – отставной коллежский асессор А.А. Клопов. В своем письме императору от 23 января 1917 г., анализируя бедственное положение страны и возможные пути выхода из кризиса, А.А. Клопов, в частности, писал: «…Вы разошлись с Россией, как никогда ещё не было… Неужели Вы думаете, что Россия простит Вам и Вашей династии своё поражение в этот грозный час её исторического бытия!» [16, с. 210]. 29 января 1917 г. во время разговора с автором письма император узнал еще больше информации о ситуации в России.

В начале февраля 1917 г. царь получил письмо от наиболее близкого к царской семье великого князя Александра Михайловича, в котором были и такие строки: «События показывают, что Твои советники продолжают вести Россию и Тебя к верной гибели». В тот момент, когда Россия стоит на краю пропасти, «не лучшие, а худшие силы правят Россией». Те, кто правят Россией, не понимают ее интересов и задач, стоящих перед обществом. «Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь внять голосам тех, кто знает, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса, в котором мы все сегодня находимся» [14, с. 121–122]. Главный вывод письма: «как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготовляет революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу» [14, с. 122]. Поскольку министров назначает лично царь, и они только выполняют его волю, фраза «правительство подготовляет революцию» означает, что именно император ведет монархию к краху.

10 февраля 1917 г. состоялась встреча Александра Михайловича с Николаем II и Александрой Федоровной. Долгий разговор выявил диаметрально противоположные взгляды обеих сторон по всем вопросам текущей жизни. Главная мысль императрицы в беседе с Александром Михайловичем – Николай II и она лучше знают положение дел в стране, чем их критики. Простой народ и в столице, и во всей России поддерживает своего императора. Николай II – самодержец и будет править так, как считает нужным.

Основной вывод от общения с царской четой Александр Михайлович сформулирован в письме к брату, великому князю Николаю Михайловичу 14 февраля 1917 г.: «Ждать добра из Царского села нельзя, и вопрос стоит так: **или сидеть сложа руки и ждать гибели и позора России, или спасать Россию, приняв героические меры**. Положение безвыходное, такое, в котором Россия никогда не находилась, и вот люди, любящие Россию, стоят на перепутье и думают, как поступить, первый раз в жизни приходится думать, как далеко связывает данная (императору – *А.Д.*) присяга» [1, с. 131]. Кроме данных строк в тексте письма есть и другие намеки о том, что у значительной части военно-политической элиты (называются конкретные фамилии, включая брата Николая II великого князя Михаила Александровича) сформировалось мнение о необходимости спасать Россию от Николая II, который ведет страну к катастрофе. Но и есть в письме и достаточно откровенно высказанный аргумент. Согласно морскому уставу командиру на корабле дана власть самодержца. Но в уставе есть статья, что «если командир сойдет с ума, то офицеры могут его арестовать. Вот Россия сегодня находится в состоянии корабля, которым командует сумасшедший» [1, с. 133].

В тот же день 10 февраля 1917 г. император выслушал немало критики в адрес власти от председателя 4-й Государственной думы М.В. Родзянко.

13 февраля 1917 г. долго и безуспешно убеждал императора даровать «ответственное министерство» генерал В.В. Гурко, временно исполнявший обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего в связи с болезнью М.В. Алексеева.

Это далеко не полный перечень подобных встреч и разговоров с царем, посланных ему писем во второй половине 1916 – начале 1917 г. Однако в указанный период император игнорировал знания и опыт генералов, министров, политиков, депутатов Государственной думы, даже близких родственников – великих князей. В такой ситуации многие представители элиты кто раньше, кто – позже осознали, что главным препятствием на пути развития России является государь Николай II. И осознав это, поняли, что выбор только один: «сидеть сложа руки и ждать гибели и позора России, или спасать Россию», отстранив царя от власти.

Веками общество и элиту воспитывали: император и Россия – это одно и то же. Что хорошо для императора – хорошо и для России, и наоборот. Но в истории России, как и других стран, бывали моменты, когда интересы главы государства и управляемой им страны не совпадают или даже расходятся.

Именно такая ситуация сложилась в России сначала летом 1915 г. и в еще более остром варианте на рубеже 1916/1917 г., когда наиболее политически зрелая часть военной и бюрократической элиты, способная прогнозировать ход событий, встала перед выбором: с кем она – с Россией или с монархом? Важно подчеркнуть, что ни кто иной, как сам император своей деятельностью (и бездействием) поставил военно-политическую и управленческую элиту перед выбором: спасать Россию или спасать монарха? Большинство из них выбрали спасать Россию. Можно ли за это их назвать «предателями»?

Литература

1. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. 1917 – 1918. в 2-х т. / Отв. ред., сост. В.М. Хрусталев. М.: ПРОЗАиК, 2012.
2. *Маклаков В.* Трагическое положение // Русские ведомости. 1915. 27 сентября.
3. *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. Мать и сын. М.: Вече, 2013.
4. *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. / Архив Русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 5 – 136.
5. *Танеева (Вырубова) А.А*. Страницы моей жизни. М., 2000.
6. Графиня Клейнмихель М. Из потонувшего мира / Пер с фр. Изд-во Глагол. 1922.
7. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907 – 1916 гг. / Под ред. А.М. Зайончковского. Т. I. М., 1924.
8. *Данилов А.Г*. Николай II – Верховный главнокомандующий русской армии: последствия и уроки в контексте элитистской парадигмы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 151 – 156.
9. Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал. Том четвертый (семнадцатый). 1926. М.-Л., 1926. С. 4 – 35.
10. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева директору Департамента полиции 5 февраля 1917 г. / Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 381 – 402.
11. *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
12. Великий Князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: Захаров, 2017.
13. *Шавельский Г.И*. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. II. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
14. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.-Л.: Государственное изд-во, 1925.

15. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича. М., 2008.
16. Письма чиновника А.А. Клопова царской семье // Вопросы истории. 1991. № 2 – 3. С. 204 – 222.

Danilov Andrey Gennadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of theory and history of law and state, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia, 344002, Russian Federation).
E-mail: agd7@mail.ru

WHO «BETRAYED» WHOM IN FEBRUARY 1917 ?

Abstract

The article analyzes the measures to be taken by the military and political elite in case the activity or inaction of the head of the state brings the country and the monarchy to a crisis and collapse. Should those military forces and politicians who made choice of Russia rather than the Emperor be considered traitors?

Key words: *February Revolution of 1917 in Russia, Emperor Nicholas II, elite, collapse of the monarchy, World War I, Council of Ministers, Headquarters of the Supreme Commander*

References

1. Dnevniki Nikolaya II i imperatricy Aleksandry Fedorovny. 1917 – 1918. v 2-h t. / Otv. red., sost. V.M. Hrustalev. M.: PROZAiK, 2012.
2. Maklakov V. Tragicheskoe polozhenie // Russkie vedomosti. 1915. 27 sentyabrya.
3. Kudrina YU.V. Imperatrica Mariya Fedorovna i Imperator Nikolaj II. Mat' i syn. M.: Veche, 2013.
4. YAhontov A.N. Tyazhelye dni. Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sentyabrya 1915 g. / Arhiv Russkoj revolyucii. T. XVIII. Berlin, 1926. S. 5 – 136.
5. Taneeva (Vyrubova) A.A. Stranicy moej zhizni. M., 2000.
6. Grafinya Klejnmihel' M. Iz potonuvshego mira / Per s fr. Izd-vo Glagol. 1922.
7. Polivanov A.A. Iz dnevnikov i vospominanij po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika 1907 – 1916 gg. / Pod red. A.M. Zajonchkovskogo. T. I. M., 1924.
8. Danilov A.G. Nikolaj II – Verhovnyj glavnokomanduyushchij russkoj armii: posledstviya i uroki v kontekste elitistskoj paradigmy // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2018. № 4. S. 151 – 156.
9. Doklad Petrogradskogo ohrannogo otdeleniya osobomu otdelu departamenta policii. Oktyabr' 1916 g. // Krasnyj arhiv. Istoricheskij zhurnal. Tom chetvertyj (semnadcatyj). 1926. M.-L., 1926. S. 4 – 35.
10. Doklad nachal'nika Petrogradskogo ohrannogo otdeleniya K.I. Globacheva direktoru Departamenta policii 5 fevralya 1917 g. / Globachev K.I. Pravda o russkoj revolyucii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo ohrannogo otdeleniya. M., 2009. S. 381 – 402.
11. Globachev K.I. Pravda o russkoj revolyucii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo ohrannogo otdeleniya. M., 2009.
12. Velikij Knyaz' Aleksandr Mihajlovich. Vospominaniya v dvuh knigah. M.: Zaharov, 2017.
13. SHavel'skij G.I. Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoj armii i flota. T. II. N'yu-Jork: izd. im. CHekhova, 1954.
14. Nikolaj II i velikie knyaz'ya. Rodstvennye pis'ma k poslednemu caryu. M.-L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925.
15. Voennyj dnevnik velikogo knyazya Andreya Vladimirovicha. M., 2008.
16. Pis'ma chinovnika A.A. Klopova carskoj sem'e // Voprosy istorii. 1991. № 2 – 3. S. 204 – 222.